

АФИНСКАЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

За последние годы в зарубежной, преимущественно англо-американской, историографии наблюдается известное оживление интереса к теоретическим проблемам социально-экономической истории античного мира. Одни вопросы получают новое освещение, другие становятся предметом дискуссии. Здесь, не претендуя на полноту, я остановлюсь на тех аспектах социально-экономических отношений в Афинах классической эпохи, где традиционные представления, справедливо или нет, подвергаются критике.

I. РАБСТВО

Вот уже более полувека проблема античного рабства составляет арену столкновений и борьбы противоположных концепций. И тот факт, что в последнее время в западной научной литературе эта тема снова стала объектом полемики, заслуживает внимания.

Среди англо-американских ученых оформилось крайнее направление, представленное в особенности работами Уэстерманна¹. К этому же направлению примыкают профессор Кембриджского университета Джонс и Иллинойского университета Старр.

Содержание статьи Джонса, посвященной вопросу об экономическом значении рабства в античном мире², в той ее части, которая относится к Афинам, может быть изложено следующим образом³:

1) Значительная часть рабов была занята прямым обслуживанием рабовладельцев. Многие граждане имели рабынь-служанок. Рабов часто использовали в качестве секретарей, управляющих, доверенных лиц и т. д.

2) При численности свободного взрослого населения (включая метэков) примерно в 60 тыс. общая численность рабов составляла около 20 тыс.

3) Приблизительно 10 тыс. рабов использовались в качестве домашней прислуги, остальные 10 тыс. — в промышленности (ремесле) и сельском хозяйстве.

4) В сельском хозяйстве рабский труд применялся в небольших размерах. Более обширную сферу для его использования представляла промышленность, но крупные предприятия были исключением. Значительная часть рабов-ремесленников вела самостоятельное хозяйство, ушачивая рабовладельцам определенный «оброк». Большинство «промышленных» рабов было занято в Лаврионских серебряных рудниках.

5) Рабы в рудниках приносили владельцам (даже тем, кто отдавал их в аренду) значительный доход — ежегодно 35—40% уплаченной за них цены. Доход от рабов-ремесленников в других отраслях производства был меньше.

6) Маловероятно, что конкуренция рабского труда ухудшала положение мелких производителей и приводила к их вытеснению, хотя в отдельных отраслях производства, где применялись необученные рабы (в рудниках), свободный труд был почти полностью замещен рабским.

7) Выгодность рабского (особенно неквалифицированного) труда определялась крайней дешевизной рабов. Необученный раб в IV в. стоил 125—150 драхм. Примерно во столько же обходилось его содержание в течение года. Расходы на покупку раба окупались очень быстро.

8) Дешевизна рабов объяснялась особыми условиями, в которых оказался греческий мир. Войны, ширатство, похищение, работорговля доставляли в Грецию массу варваров для продажи.

Таковы основные выводы Джонса. Статья Старра⁴ имеет в большей мере теоретический и полемический характер. Старр полагает, что среди историков и экономистов распространены ошибочные взгляды на характер и значение античного рабства (одним из тех ученых, кто представлял себе рабство в его истинном свете, был, по мнению Старра, Э. Мейер). Старр считает, что на формирование этих взглядов оказали влияние особенности рабства в США и Вест-Индии, а также идейные и политические движения XIX в. — борьба за отмену рабства и развитие марксизма. В результате значение рабства было преувеличено исторической наукой: не только марксисты, но и многие

¹ См. А. Р. Корсунский, В. И. Кузищин, Я. А. Ленцман, А. И. Павловская, И. С. Свенцицкая, W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, ВДИ, 1958, № 4, стр. 136—158.

² A. H. M. Jones, *Slavery in the Ancient World*, *The Econ. Hist. Rev.*, 2-nd Ser., IX (1956), 2, стр. 185—199.

³ Здесь, как и в дальнейшем, постраничные ссылки на рассматриваемые работы даются только в тех случаях, когда эти работы велики по объему.

⁴ C. G. Starr, *Overdose of Slavery*, *The Journ. of Econ. Hist.*, XVIII (1958), 1, стр. 17—32.

буржуазные исследователи рассматривали древнюю экономику и культуру как основанные на рабском труде, а рабство объявляли «абсолютным злом».

Далее Старр «опровергает» это «заблуждение». Вот вкратце его аргументация.

1) Рабов использовали преимущественно для обслуживания высших классов общества и в промышленности и торговле крупных городов. По афинским манумиссиям второй половины IV в. до н. э., лишь небольшая часть отпущенных на свободу рабов была занята в сельском хозяйстве. Таково же было положение в Гомеровской Греции и на Востоке. Податные документы римского времени свидетельствуют, что в египетских деревнях рабы составляли всего 1—2%, в городах — 7—10% населения.

2) Даже в промышленности и торговле, где рабство применялось в широких размерах, оно не являлось основой производства. В Афинах V—IV вв. рабы составляли всего $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ населения.

3) Экономической базой античного общества было сельское хозяйство, которым занималось большинство населения. Земельные участки были слишком мелкими, чтобы оправдать дополнительные затраты на покупку рабов. При сборе урожая и других срочных и трудоемких сельскохозяйственных работах землевладельцы обращались к помощи наемных рабочих. Поскольку, таким образом, в сельском хозяйстве преобладал свободный труд, рабовладение не могло составлять основы общественных отношений. Рабство представляло собой лишь один из элементов хозяйственного развития в античном мире.

4) В промышленности рабство было экономически выгодно лишь при изобилии и дешевизне рабов, при высоких и устойчивых ценах на ремесленную продукцию. Эти особые условия сложились в Греции в эпоху колонизации. К тому же техника у греков была проста и не требовала длительного обучения, а система вольноотпущенничества создавала известную заинтересованность рабов в своем труде.

На рассуждениях Старра о моральном влиянии рабства на свободных, его роли в развитии техники, бытовом и правовом положении рабов можно не останавливаться. Старр занимает здесь позиции, близкие к позициям Уэстерманна.

Нетрудно заметить общую тенденцию Уэстерманна, Джонса и Старра: всяческое преуменьшение значения рабства для античного мира. Поскольку дело касается Афин классической эпохи, подвергается сомнению рабовладельческий характер их экономики.

Эта точка зрения в западной исторической науке не получила безраздельного господства. В качестве примера можно указать критическую рецензию Сен-Круа (Оксфордский университет) на книгу Уэстерманна⁵ и особенно обстоятельную статью Финли (Кембриджский университет)⁶.

Финли, правда, воздерживается от прямой полемики, но его взгляды в значительной степени противоположны взглядам Джонса и Старра.

1) Сами греки, отмечает Финли, рассматривали рабство как естественную, органическую часть своего бытия. И, хотя в Греции существовали различные формы зависимости, ведущей фигурой в наиболее развитых ее областях являлся раб в собственном смысле слова.

2) За немногими исключениями, рабов использовали во всех областях производственной и непроизводственной деятельности. Вместе с тем не имело такой сферы, в которой не были бы в какой-то мере заняты также свободные граждане (преимущественно как самостоятельные хозяева, а не как наемные рабочие).

3) Основной отраслью производства было земледелие. Даже некоторая часть мелких землевладельцев владела рабами, а в крупном землевладении применение рабского труда было правилом. Рабство в сельском хозяйстве занимало очень существенное место, даже если число занятых рабов не превышало числа свободных.

4) В рудниках и каменоломнях труд рабов безусловно являлся преобладающим. В ремесле он применялся шире, чем в сельском хозяйстве, хотя здесь также были заняты и свободные граждане. В торговле и ростовщичестве рабов использовали даже на постах управляющих.

5) Возможно, что количество рабов в Афинах V—IV вв. до н. э. достигало 80 тыс. — 100 тыс. человек (исчисление Лауффера). Это значит, что на одно хозяйство приходилось в среднем 3—4 раба. Но, независимо от установления той или иной численности рабов, невозможно отрицать, что рабство являлось «интегральным фактором» общества.

Рассмотрев вопросы об источниках получения рабов, об отношении к рабству свободных и о формах протеста рабов против угнетения, которому они подвергались, Финли формулирует свое общее отношение к современной постановке проблемы рабства. Он считает, что беспристрастное суждение затруднено здесь вмешательством двух внешних факторов: морального осуждения рабства и имеющей политической характер борьбы между марксистами и немарксистами. Учитывая все обстоятельства и подходя к делу объективно, пишет Финли, следует заключить, что рабство было

⁵ G. E. M. de Ste Croix, «Cl. Rev.», N. S., VII (1957), 1, стр. 55—59.

⁶ M. I. Finley, Was Greek Civilization based on Slave Labour?, «Hist.», VIII (1959), 2, стр. 145—164.

«основным» (basic) элементом в греческой цивилизации. Но это определение не должно являться целью доказательств, оно скорее отправной пункт для фактического анализа. Задача заключается в том, чтобы исследовать систему рабства в ее действии, в конкретном проявлении.

* * *

Статьи Джонса и Старра в какой-то мере представляют собой идею реакцию на марксистское освещение древней истории (изображаемое Старром весьма упрощенно). Этим объясняются те крайности, в которые впадают оба автора. Тем не менее следует проследить ту логику и ту аргументацию, которые применены в этих статьях.

Начнем с численности рабов в Афинах IV в. до н. э. Конечно, получение той или иной цифры (как справедливо отметил Фишли) не имеет решающего значения. Оно не дает ответа на вопрос о социальном строе античного государства. Но это справедливо только в известных пределах: если бы число рабов в Афинах не превышало 2—3 тыс. человек, вряд ли вообще возникла бы проблема, которая здесь обсуждается. С другой стороны, точные данные о 100—200 тыс. рабов явились бы достаточным основанием для окончательного вывода о преобладающей роли рабского труда.

Определяя число рабов в $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всего населения, Старр считает достаточным сослаться на Уэстерманна. Джонс принимает количество рабов в 20 тыс.; это, кажется, самая маленькая цифра, когда-либо появлявшаяся в такой связи, — примерно один раб на трех взрослых свободных (обоих полов). Джонс ссылается здесь на вычисления, произведенные им в одной из его прежних работ⁷. Рассмотрим эти вычисления в деталях.

Джонс решительно отвергает известные из источников цифры — 400 тыс. рабов по Ктесиклу (в конце IV в. по переписи Деметрия Фалерского — Athen., VI, 272 C) и более 150 тыс. по Гипериду (вероятно, около 338 г. — Suidas, s. v. ἀποφρασις), рассматривая их как фантастические. Лучшей их проверкой он считает количество потребляемого в Аттике хлеба. По надписи в IG, II², 1672, урожай 329 г. до н. э. исчисляется в 370 тыс. мед. (около 340 тыс. мед. ячменя и 30 тыс. мед. пшеницы). Согласно Демосфену (XX, 31—32), ввоз хлеба в Аттику около середины IV в. составлял примерно 800 тыс. мед. (наверное, почти целиком пшеницы). Урожай 329 г. был, по-видимому, плохим, и надпись сообщает цифры ниже обычных. Около $\frac{1}{6}$ урожая откладывалось на семена для посева, а большая часть ячменя шла на корм скоту. Для потребления жителей Аттики оставалось, таким образом, около 830 тыс. мед. в год. Численность граждан во второй половине IV в. составляла около 21 тыс. (Plut., Phoc., 28; Athen., VI, 272 C), метэков — 10 тыс. (Athen., там же), всего взрослого населения — вдвое больше, населения в целом, включая детей, — не менее 124 тыс. При среднем потреблении хлеба взрослыми мужчинами в 7,5 мед., женщинами и детьми — в 5 мед. ежегодно, они съедали минимум 700 тыс. мед. Для рабов оставалось 130 тыс. мед. При среднем потреблении примерно в 6 мед. ежегодно 130 тыс. мед. хватало на 20 тыс. рабов. Это — максимум, поскольку для численности свободного населения приняты минимальные цифры.

Можно только удивляться предвзятости этих вычислений, результаты которых (при всех оговорках об их приближенности) Джонс в дальнейшем использует как установленные. В самом деле:

1. Урожай 329 г. до н. э.⁸ обычно рассматривается исследователями как меньший обычного. Кроме того, в надписи отмечено приношение землевладельцами определенной части урожая в Элевсин: цифры, конечно, могли быть значительно преуменьшены. Гомм, например, считает возможным только на этом последнем основании прибавить еще 100 тыс. мед.⁹ Наконец, какое-то количество хлеба могло ввозиться в Аттику с принадлежащих Афинам островов. Это давало, может быть, около 200 тыс. мед., в том числе приблизительно 50 тыс. мед. пшеницы¹⁰. Таким образом, ничто не препятствует нам поднять среднюю годовую продукцию хлеба, доступного для потребления, до 600 тыс.—800 тыс. мед.¹¹

2. Сведения об импорте 800 тыс. мед. хлеба не могут считаться точными. Демосфен сообщает только о количестве хлеба, ввозимого с Понта, — 400 тыс. мед. — и указывает, что это составляло половину всего импорта. Однако возможна, по-видимому, и другая интерпретация — именно, что ввоз в целом составлял не 800 тыс., а 1600 тыс.

⁷ А. Н. М. J o n e s, Athenian Democracy, Oxf., 1957, стр. 77—79.

⁸ Около 400 тыс. мед. по наиболее детальному исследованию А. J a r d é, Les céréales dans l'antiquité grecque, P., 1925, стр. 48 и др.

⁹ А. W. G o m m e, The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C., Oxf., 1933, стр. 32.

¹⁰ Е. М e y e r, Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 192—193.

¹¹ Ср. сводку наиболее основательных вычислений S. L a u f f e r, Die Bergwerksklaven von Laureion, II, Wiesbaden, 1957, стр. 151—153, прим. 5.

мед.¹² По другим соображениям Гомм принимал цифру в 1200 тыс. мед. (Gomme, ук. соч., стр. 32).

3. Джонс разделяет точку зрения Жардэ, согласно которой ячмень в значительной части шел на корм скоту (Jardé, ук. соч., стр. 123—127). Далее он приводит ничем не оправданную операцию — вообще сбрасывает ячмень со счета. Между тем известно, что ячмень составлял обычную пищу афинян в самых разнообразных видах. Можно предполагать, что как раз рабы, о которых идет речь, потребляли ячмень в больших количествах.

4. Мы не можем быть уверены, что средняя норма потребления в 6 мед. в год не является завышенной, особенно за счет женщин и детей. Во всяком случае возможны более умеренные расчеты¹³.

Таким образом, вполне допустима такая комбинация поправок, при которой все они действуют в одном направлении — в сторону увеличения возможной численности потребителей хлеба. В связи с этим подсчеты Джонса оказываются беспочвенными. Достаточно указать, что другие исследователи на основе тех же самых материалов, как правило, приходили к гораздо более высоким цифрам, «обеспечивая пропитанием» 90 тыс. и больше рабов (Lauffer, ук. соч., стр. 151—153).

При нынешнем состоянии источников численность рабов в Аттике должна, вероятно, устанавливаться иным путем. Общие цифры — поскольку все они более или менее сомнительны — не могут выступать в качестве основы для вычислений. Требуется конкретное исследование численности рабов, занятых в различных областях производства и обслуживания (примерно в таком духе, в каком это сделано Лауффером для рудников).

Что касается подсчетов Джонса, то они не согласуются также со свидетельством, заслуживающим доверия, — с известным сообщением Фукидда о бегстве более 20 тыс. рабов к спартамцам во время Пелопонесской войны (Thuc. VII, 27, 5). Получается, что перебежчиков было столько же, сколько всего рабов в Афинах более поздней эпохи. Джонс разрешает это противоречие без труда. В V в. до н. э., пишет он, свободных граждан и метэков было больше, чем в IV в., соответственно и рабов было больше. Нечего и говорить, что это предположение не имеет под собой ни теоретического, ни фактического основания.

Итак, те источники, которыми пользуется Джонс, не подтверждают его вывода о том, что численность рабов в Афинах достигала в IV в. всего 20 тыс. человек. Они допускают цифры, в несколько раз больше. Примененный Джонсом метод ошибочен: это попытка получить в принципе точные результаты там, где речь может идти только о «максимуме» и «минимуме», колеблющихся в очень широких пределах.

* * *

Далее, вопрос о распределении рабов по роду их деятельности. В отношении домашних рабов для Джонса существует как будто только один источник — речь Демосфена против Тимократа. Демосфена можно истолковать таким образом, что граждане, платившие военный налог — эйфору, нередко имели служанку, положение которой в доме несколько сомнительно (Dem., XXIV, 197). Эта самая служанка является исходным пунктом дальнейших вычислений. Скажем, рассуждает Джонс, из 6000 граждан, плативших эйфору, служанок имели 5000. Из 10 тыс. метэков подобные служанки были у 2500: получается 7500 служанок. Богатые граждане имели по несколько человек прислуги. Всего, таким образом, насчитывается около 10 тыс. домашних рабов, а 10 тыс. «остается» для всего остального.

Более подробно этот вопрос Джонс рассматривает в другой своей работе (Jones, Athen. Demost., стр. 12—13), упоминая и другие источники — Лисия (V, 5) и речь Демосфена против Стефана (XLV, 86). Оба оратора, обращаясь к судьям, как бы исходят из предположения, что все слушатели (Демосфен) или даже все граждане (Лисий) имеют рабов. Джонс подозревает (во всяком случае со стороны Лисия) определенную тенденциозность и, следовательно, сознательное преувеличение. Это справедливо в том отношении, что Лисий и Демосфен не могли поручиться за наличие рабов у всех судей и тем более всех граждан. Наоборот, из источников известно и ясно само по себе, что некоторые граждане рабов не имели. Однако один вывод представляется неизбежным: владение домашними рабами считалось для свободного гражданина нормой и правилом. Об этом свидетельствует как раз та формально необоснованная уверенность, с которой ораторы решались на свое обобщение (ср. Aristoph., Ran., 980 сл.).

По отношению к материалам комедий Джонс занимает двойственную позицию: с одной стороны, он фетишизирует текст, придавая ему вес и значение документа; с другой — он подвергает этот понятый таким образом текст смысловой критике. Джонс рассуждает приблизительно так: в комедии рабы появляются даже в бедных

¹² А. К о с е в а л о в, Die Einfuhr von Getreide nach Athen, RhM, XXXI (1932), стр. 321—323.

¹³ См. А. В а л л о н, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 109, 118.

хозяйствах. Так, бедному крестьянину Хремилу принадлежит раб Карион, несомненно, чисто комедийный персонаж. В первой части «Женщин в народном собрании» рабов вообще нет, затем в комической ситуации выступает рабыня, принадлежащая Праксагоре. И все же когда Праксагора в своей «коммунистической программе» протестует против порядков, при которых «у одного (из граждан) — множество рабов, у другого — нет и слуги-проводжатога» (Aristoph., Eccles., 593), она относит себя, видимо, ко второй группе. (Это обстоятельство как будто представляется Джонсу достаточным основанием, чтобы усомниться в свидетельствах Аристофана.) Сообщения комедий о рабах вообще подозрительны: их авторы сами были людьми состоятельными, а образы рабов давали им дополнительные сюжетные возможности.

Этот подход в целом вызывает возражения. Пожалуй, даже Старр в какой-то мере ближе к истине, когда он утверждает, что делать выводы о жизни аттической деревни по комедиям все равно, что судить по декорациям Голливуда о жилище среднего американца. Старр здесь просто преувеличивает, Джонс же ошибается, так сказать, в принципе. Ясно, что вымышленный Карион не представляет для нас никакой документальной ценности как раб вымышленного Хремилы. Сомнительно также, чтобы сам Аристофан смог разъяснить, была ли служанка-рабыня у Праксагоры. Зато существенное значение имеет тот факт, что рабы появляются в комедии повсюду, в жизни различных социальных групп населения. И они появляются вовсе не обязательно в качестве комедийных персонажей, а именно как статисты, предмет домашнего обихода, атрибут повседневной жизни средних слоев гражданства. Художественные произведения, как бы они ни были условны и фантастичны, должны сохранять определенный колорит места и эпохи.

Что касается приводимых Джонсом слов Праксагоры, то они позволяют предполагать только два обстоятельства, имеющие общее значение: во-первых, какая-то часть граждан, очевидно, не имела рабов (по крайней мере домашних), в то время как другая часть владела большим количеством таких рабов; во-вторых, отсутствие раба воспринималось как свидетельство бедности (крайней бедности — можно было бы добавить, вспомнив бедняка-инвалида, жалующегося, что он пока еще не может купить себе раба — Lys., XXIV, 6).

Вопрос о домашнем рабстве еще ждет детального исследования. Но статистика, покоящаяся на плечах злополучной служанки из XXIV речи Демосфена, не является достаточно эффективным методом. Число в 40 тыс. домашних рабов, может быть, и правильно (мне оно кажется заниженным). Однако идти к нему пужно совсем другим путем.

* * *

Основной пункт, в котором Джонс и Старр (вслед за Уэстерманном) атакуют «устаревшие догматические представления», — это применение рабского труда в сельском хозяйстве.

Мы мало слышим о сельскохозяйственных рабах, пишет Джонс. Большая часть аттических землевладельцев имела столь мелкие участки, что не нуждалась в дополнительных рабочих руках. Крупные владения нередко состояли из небольших разобнесенных участков, часть которых возделывалась свободными арендаторами. Только имения, в которых жили сами хозяева, обрабатывались рабами.

Это опять-таки краткое повторение аргументации, развитой Джонсом в более ранней работе об афинской демократии (ук. соч., стр. 13 сл.). Там Джонс собрал данные о наемном труде в сельском хозяйстве и о свободных арендаторах, достаточные для того, чтобы доказать значительное распространение этих форм в Аттике. Землевладельцы среднего класса, платившие зисфору (Джонс считает, что обложению этим налогом подлежали 6000 граждан), имели столь незначительные средства в такие мелкие участки, что иногда не могли содержать даже домашнего раба, не говоря уже о рабах сельскохозяйственных. Они, полагает Джонс, принадлежали к тому классу общества, который, по Аристотелю, обрабатывал землю без помощи рабов (Aristot., Polit., 1323 A, ср. 1252 B). Наименее состоятельные из гоплитов (таких, по Джонсу, насчитывалось 3000) имели земельные участки в 5 акров (= 2 га) или несколько больше: с этих участков едва могла прокормиться семья владельца. Бедные крестьяне, по Аристофану, трудились на полях сами (Aristoph., Plut., 223—224).

Невозможно согласиться с этой конструкцией — она местами не подтверждается в достаточной степени источниками, местами прямо им противоречит. Действительно, крупные владения в Аттике часто состояли из небольших разобнесенных участков. Но почему эти участки не могли обрабатываться руками рабов, непонятно. В речи Лисия о священной маслине состоятельный гражданин сообщает, что участок, на котором росла маслина, — это лишь один из его участков «на равнине» (Lys., VII, 24). Он некоторое время сдал землю в аренду, а в дальнейшем стал обрабатывать ее сам (там же, 9—11). Очевидно, что он при этом использует труд рабов (там же, 16). Между тем этот участок явно не является его резиденцией, и вообще не видно, чем он отличается от других участков того же землевладельца. Я уже не говорю о загородном хозяйстве Исхомаха в «Домострое» Ксенофонта, где основной рабочей силой представляются

рабы, поскольку невозможно доказать, что Ксенофонт имел здесь в виду условия, типичные для Аттики. Самая фигура «управляющего», появляющаяся в произведениях Ксенофонта, была порождена, по-видимому, сходной ситуацией: землевладелец нуждался в доверенном лице для надзора за сельскохозяйственными работами в своем загородном имении (см., например, Хен., Мет., I, 5, 2).

Какая часть участков сдавалась в аренду, мы даже и предполагать не можем. Сама по себе аренда, конечно, не исключает применения труда рабов. Нет также оснований для предположения, что наемный труд в деревне применялся шире, чем рабский. Рабы во всяком случае упоминаются гораздо чаще. Общее понятие «работник» (*ἐργάτης*) по отношению к земледелию со временем ассоциировалось с образом раба (Hesych., *ἐργῆται*; ср. Athen., VI, 267 C).

При установлении размера участков, принадлежавших гоплитам, Джонс исходит из цены на землю, выводимой на основании одной из речей Лисия (Lys., XIX, 29, 42). Но средняя цена земли в IV в. была, возможно, значительно более низкой, а размеры участков, соответственно, большими. Ссылки на Аристотеля говорят как раз против Джонса: Аристотель прямо указывает, что без рабов вынуждены обходиться именно «бедные» и «неимущие» (*οἱ πτωχτοὶ, ἄποροι*). Невозможно представить себе, чтобы он характеризовал этими словами гоплитов! Бедные крестьяне Аристофана работают на полях, но это вовсе не значит, что у них нет рабов. Напротив, комедии Аристофана создают впечатление, что рабов использовали даже в мелком и среднем крестьянском хозяйстве (см., например, Aristoph., *Acharn.*, 249, 887, 1098, 1116; Pax, 1146 сл., может быть, 1249; *Vesp.*, 449—450; *Plut.*, 26, 1105; ср. Menander, *Georgos*, 55—58; Theophr., *Char.*, 4). Наконец, деление рабов на сельскохозяйственных и домашних, особенно в сельских условиях, выглядит как очень искусственное: оно возникло не в реальной жизни, а в представлениях ученых комментаторов. Если крестьянин имел одного-двух рабов, едва ли он держал их только на кухне или только на поле. Поэтому Старр совершает очевидную ошибку, рассуждая о том, что дополнительная рабочая сила требовалась крестьянам лишь в период интенсивных сельскохозяйственных работ и им не было смысла держать рабов ради этого периода.

Старр, также утверждающий, что роль рабства в сельском хозяйстве Аттики была незначительна, действует иным методом: он опирается на «точную статистику». Ссылаясь на Уэстерманна, Старр приводит таблицу, показывающую распределение по профессиям аттических рабов, отпущенных на свободу во второй половине IV в. до н. э. Эта таблица уже много лет коцует из одной работы в другую, и Старр не добавляет к ней ничего нового. Из 79 рабов-мужчин только 12 обозначены как сельскохозяйственные рабочие, из 56 женщины — ни одной¹⁴. Отсюда делается вывод, что рабство не играло большой роли в сельскохозяйственном производстве.

Этот вывод основан на элементарном заблуждении, отмеченном уже в свое время Сен-Круа в рецензии на книгу Уэстерманна (ук. соч., стр. 56). Дело объясняется тем, справедливо указывает Сен-Круа, что сельскохозяйственные рабы, естественно, имели гораздо меньше шансов получить свободу, чем домашние рабы или ремесленники. Характерно, что подавляющее большинство (более $\frac{9}{10}$) всего количества рабов, получивших свободу, проживало в Афинах, Пирее и пригородных демах (подсчет у Гомма, ук. соч., стр. 42). Это преобладание настолько велико, что «репрезентативность» наших цифр становится очень сомнительной. Кроме того, Старр не учитывает нескольких десятков рабов, чья профессия не указана (вернее всего — домашних, там же). Наконец, как уже отмечалось, разделение рабов по специальностям — несколько искусственное, и домашние рабы вполне могли участвовать в сельскохозяйственном производстве, когда это требовалось. Учитывая все эти обстоятельства, следует рассматривать цифру в 12 сельскохозяйственных рабов не как маленькую, а, напротив, как довольно значительную (см. Лепцман, ук. рец., стр. 144).

Итак, те доводы, которые Джонс и Старр приводят в защиту своей концепции, абсолютно неубедительны. Гораздо более трезвое и объективное отношение к вопросу можно найти в недавно переизданной на английском языке работе голландца Болькестейна¹⁵ и в рассматриваемой статье Финли. Финли считает самым важным тот факт, что рабский труд применялся на землях «землевладельческой элиты» — крупных землевладельцев, все в большей степени стремившихся поселиться в городе и удалявшихся от непосредственного руководства сельскохозяйственными работами. Он полагает, что рабский труд доминировал в земледелии, и указывает на слабость аргументации противников этого взгляда: ряд источников они игнорируют, а их ссылки на папирусы не являются доказательством, так как сельскохозяйственный режим в эллинистическо-римском Египте был иным, чем в Греции. Обосновывая свою точку зрения, Финли ссылается, между прочим, на свидетельство Филохора о том, что рабы и

¹⁴ Опубликованные Льюисом новый фрагмент и исправления меняют эти пропорции лишь незначительно (D. M. Lewis, *Attic Manumissions*, «Hesp.», XXVIII (1959), 3, стр. 208—238).

¹⁵ H. Volkestein, *Economic Life in Greece's Golden Age*, Leiden, 1958, стр. 81—82.

земледельцы совместно участвовали в сельскохозяйственных работах и в сельских празднествах (Philochorus, 328 F 97, ap. Macrobi., Sat., I, 10, 22. Ссылка дана по Финли). Как видно, личный труд крестьян вовсе не исключал применения ими рабского труда.

Здесь уместно использовать наблюдение Э. Л. Казакевич, показавшей на конкретном материале, что в конце V—IV в. до н. э. рабы рассматривались как обычная принадлежность аттической хоры¹⁶.

Одним словом, беспристрастное рассмотрение источников при всей их отрывочности и скудости все-таки создает картину широкого применения труда рабов в сельском хозяйстве Аттики классической эпохи.

* * *

Как Джонс, так и Старр в общем признают, что в ремесленном производстве, особенно в рудниках, рабский труд применялся шире, чем в сельском хозяйстве. Вместе с тем они используют любую возможность, чтобы умалить его значение. Отметим здесь отдельные неточности, противоречия и ошибки. Джонс стеснен принятой им общей численностью рабов в 20 тыс. За вычетом 10 тыс. «слуг» он может уделить «промышленности» также не более 10 тыс. А так как большинство (the great majority) «индустриальных» рабов было занято, по его предположению, в рудниках, для собственно ремесленного производства в Афинах и Пирее остается какая-то сравнительно небольшая их часть. Джонс не уточняет своих выводов, ограничиваясь общими замечаниями. Он считает, что крупные предприятия с несколькими десятками или сотней рабов были в Афинах исключением. При нормальных условиях богатые граждане предпочитали вкладывать деньги в недвижимую собственность и редко владели более чем дюжиной ремесленных рабов.

Наши источники не содержат такого материала, который позволял бы принять или отвергнуть эти несколько неопределенные тезисы. Мы знаем, что для Афин были типичны и крупные мастерские, обслуживаемые рабами, — эргастерии, и мелкие мастерские свободных ремесленников, и, наконец, предприятия рабов, трудившихся самостоятельно и плативших хозяину нечто вроде оброка. Ясно, что эргастерии были ведущим типом мастерских, хотя бы с точки зрения величины и производственных возможностей. Но каково было соотношение между этими формами по продукции или числу рабочих, невозможно определить даже сколько-нибудь приблизительно.

Иначе обстоит дело с рудниками. Джонс уверяет, что в течение IV в. до н. э. примерно до 340 г. рудники были заброшены и количество рабочих в них — незначительно. Последний вывод делается на основе предположения Ксенофонта о том, что рудники могут поглотить 6 тыс. или даже 10 тыс. дополнительных рабочих (De vest., IV, 23—24). На это прежде всего можно возразить, что Ксенофонт допускал привлечение в рудники гораздо большего числа рабов (там же, IV, 25). Он вообще считал возможности расширения работ в рудниках практически неограниченными (там же, IV, 4—11). Цифра в 6 тыс. или 10 тыс. рабов (на первых порах) лимитировалась для него не нуждой в рабочих руках или способностью рудников к их поглощению, а организационно-финансовыми соображениями, как хорошо видно из соответствующего места. Далее, после появления новых работ, основанных на эпиграфическом материале¹⁷, несколько неожиданной выглядит попытка реконструировать историю рудников в IV в. по Ксенофонту. Надписи об аренде рудников определенно отмечают возобновление активности с 367/6 г. или даже раньше (Норрег, ук. соч., стр. 253). Обстоятельные вычисления Лауффера показывают, что численность рабов в рудниках во второй половине IV в. измерялась, по-видимому, десятками тысяч. При наиболее благоприятной конъюнктуре она достигала, может быть, 30 тысяч или больше (Lauffer, ук. соч., стр. 140—165 и табл. 10).

Подобно Джонсу, Старр допускает, что в промышленности (и торговле) было занято довольно много рабов. Но, утверждает он, это не значит, что рабский труд являлся здесь «основой» (Старр как будто придает понятию «основы» чисто количественное значение). Обосновывая свою точку зрения, Старр опять прибегает к приемам «точной статистики»: в строительстве Эрехтейона (по сохранившимся фрагментам надписей V в. до н. э.) участвовали 16 рабов, 35 метэков и 20 граждан¹⁸. Примерно то же соотношение может быть обнаружено в элевсинских отчетах (IV в. до н. э.). В действительности эти цифры никоим образом не доказывают, что рабов-ремесленников вообще было меньше, чем свободных. Дело не в том, что у нас мало цифр, но в том,

¹⁶ Э. Л. Казакевич, Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 108—110.

¹⁷ M. Crosby, The Leases of the Laureion Mines, «Hesp.», XIX (1950), 3, стр. 189—312; R. J. Norreg, The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C., ABSA, XLVIII (1953), стр. 200—254.

¹⁸ Старр ссылается здесь на Уэстерманна. Рэндол дает несколько большие цифры — соответственно, 20, 42 и 24. См. J. R. Randall, The Erechtheum Workmen, AJA, LVII (1953), 3, стр. 204, табл. 1.

что цифры эти относятся к специфической отрасли производства, о характере которой мало что известно, к единичным объектам работ и т. д. Десятки причин, о которых мы и понятия не имеем, могли повлиять на интересующее нас соотношение и сделать его «нетипичным». Не исключено, например, что, как это было в эпоху Перикла (Plat., Rep., 12), само строительство в какой-то степени имело целью дать занятие свободным бедным ремесленникам. Вообще использование в качестве статистического материала таких данных, которые явились результатом определенной конкретной ситуации, — метод соблазнительный, но опасный.

* * *

Итак, та критика, которой подвергнуты представления о рабовладельческой экономике Афин, во многих пунктах оказывается несостоятельной. Это не значит, конечно, что она целиком бесплодна. Едва ли являются справедливыми те упрощенные взгляды, которые Джонс и Старр часто избирают своей мишенью: например, представление об афинянах, как о бездельниках-рантье, за которых всю работу выполняли рабы. И когда Старр утверждает, что на основании сочинений философов, принадлежавших к состоятельным слоям населения и обращавшихся к ним, нельзя судить об отношении к труду широких масс «среднего класса» и что свободные граждане повсюду работали наряду и вместе с рабами, — с ним в общем можно согласиться. Джонс также правильно подчеркивает, что в произведениях философов и Ксенофонта определенно констатируется наличие в Афинах многочисленного трудящегося класса свободных граждан (Jones, Athen. Democrasu, стр. 11 сл.). Однако Джонсу и Старру не следовало бы торжествовать по этому поводу: труд свободных граждан вовсе не исключает труда рабов и не умаляет значения последнего. Финли также исходит из предположения, что свободные трудились бок о бок с рабами почти во всех сферах производства и обслуживания — между тем, как мы видели, его точка зрения принципиально отличается от позиции Джонса и Старра. И если Старр знает материалистическое понимание истории только в его вульгаризованной форме, то в этом ему некого винить, кроме самого себя.

Джонс подвергает критике также широко распространенное мнение о «конкуренции» рабского и свободного труда и «вытеснении» первым второго. Он указывает, что не имеется доказательств какого-либо ухудшения условий труда свободных рабочих в связи с этой «конкуренцией», нет данных о соперничестве крупного и мелкого ремесленного производства и т. д. Маловероятно, считает он, что продукция крупных мастерских продавалась дешевле, чем продукция мелких, что применение рабского труда понижало плату свободных наемных рабочих или вызывало безработицу.

Финли, в свою очередь, констатирует, что неизвестны какие-либо проявления протеста против рабского труда со стороны бедных классов даже в эпоху глубочайшего кризиса. Нет жалоб на «конкуренцию» рабов, на лишение ими свободных средств к существованию, на понижение заработной платы и пр. Изолированное сообщение Тимея (Athen., VI, 264 D, 272 B) о Мнасоне, который «лишил необходимого пропитания» многих фокидян, потому что имел 1000 рабов для домашних услуг, Финли справедливо не принимает в расчет. Действительно, не говоря уже о необычной для Греции и не очень правдоподобной цифре, имеются в виду домашние рабы, дело происходит в отсталой Фокиде с ее патриархальными обычаями и вся ситуация не является типичной. Между тем, резонно подчеркивает Финли, именно в Афинах, где demos имел политическое влияние, организацию и вождей, не появилось никакого движения, направленного на защиту от рабской «конкуренции».

Я не буду касаться здесь вопроса об экономической «выгодности» рабства, хотя он занимает у Джонса и Старра важное место. Обычно обсуждение этой темы сводится, если она рассматривается не с теоретических позиций, к подсчету «доходов и убытков», не совсем уместному по отношению к сложному общественному явлению. Применяемые здесь критерии получены путем абстрагирования от современного буржуазного общества с его регулирующей ролью прибыли и деляческим духом. Сомнительно, чтобы эти критерии были применимы к античному обществу в целом. «Выгодность» рабства определялась не только такими величинами, как цена раба, стоимость его содержания, арендная плата и т. п. Очевидно, рабство было «выгодно», если оно просуществовало тысячелетия. Но арифметический подсчет, к тому же не всегда осуществимый, чрезмерно упрощает дело.

Свою общую точку зрения на значение рабства для Афин Джонс образно изложил в работе «Афинская демократия» (стр. 20). Если бы было принято предложение Гиперида (об освобождении рабов, способных носить оружие), говорит он, последствия едва ли были бы для Афин катастрофическими. Конечно, богатые испытывали бы неудобства ввиду отсутствия домашней прислуги. Очень немногие граждане, чье состояние заключалось в рабах — ремесленниках и горняках, обеднели бы. Несколько большая часть (но все же явное меньшинство) потеряла бы какую-то долю доходов и была бы вынуждена сдавать землю в аренду, а не обрабатывать ее при помощи рабского труда. Часть ремесленников лишилась бы помощников в своих мастерских. Но большинство (the great majority) афинян ничего бы не потеряло.

Мы можем продолжить этот мысленный эксперимент. Допустим, что рабы были бы освобождены или, еще лучше, бежали, исчезли, дематериализовались. Независимо от того, в какой степени их утрата была бы существенной потерей (это как раз и есть предмет дискуссии), один результат бесспорен: афиняне не перешли бы к системе наемного труда. Они тотчас же принялись бы покупать новых рабов, чтобы восстановить прежнее положение вещей.

В целом Джонс — как многие другие — стал жертвой «предвзятых идей», заставляющих его отбирать и оценивать материал крайне односторонне. На этом фоне трезвость и осторожность в выводах, проявляемые Финли, выступают особенно отчетливо.

II. ДЕМОКРАТИЯ

Из работ Джонса и Старра мы узнали, что афинская рабовладельческая демократия — собственно, не рабовладельческая. Но этим дело не ограничивается — она, как нас уверяют, вместе с тем и не демократия. Не совсем понятно, что же от нее остается.

В какой-то степени концепция «крайней демократии» в Афинах IV в., ведущая начало от Платона и Аристотеля, вызывала сомнения и подвергалась критике уже в начале XX в. Несомненно, она нуждается в некоторых поправках. Но в последнее время в западной литературе намечается направление, представители которого идут по этому пути, как кажется, чересчур поспешно.

Так, голландскому ученому Ван ден Буру принадлежит статья, посвященная общим проблемам истории Греции¹⁹. Слишком часто, пишет Ван ден Бур, мы склонны делать общие заключения на основе большего или меньшего числа особенных конкретных фактов. А обобщения (generalizations) — вещь опасная не только в повседневных делах, но и в научном исследовании. За последние полтора столетия сложилось определенное «стандартизованное» представление о греческой цивилизации (особенно цивилизации классического периода). «Греческое чудо» в известной степени нас гипнотизирует, и мы невольно судим обо всем уровне греческой жизни по произведениям великих греческих философов, художников и поэтов. Этой идеализации, продолжает Ван ден Бур, был нанесен удар исследованиями в области культуры, показавшими близость Греции к Востоку и вызвавшими сомнение в гармоничности и совершенстве греческого общества. Вместе с тем распространение исторического материализма подорвало пренебрежение «классицистов» к экономике, жизни масс, социальной структуре греческого мира.

Далее Ван ден Бур останавливается на некоторых примерах, свидетельствующих, по его мнению, о сохранении «варварства», суеверий, жестоких обычаев среди греков классической эпохи. Сложность и противоречивость общественной жизни создают возможность для появления различных взглядов на один и тот же предмет. В связи с этим Ван ден Бур (не становясь определенно на ту или иную сторону) отмечает, что проблема рабства вновь является предметом дискуссии.

Для нас наибольший интерес представляет та характеристика, которую Ван ден Бур дает афинской демократии IV века. Выглядит она примерно так.

Противопоставляя передовые Афины отсталой Спарте, мы зачастую преувеличиваем те черты, которые создавали контраст между ними. Правда, все граждане в Афинах были равны перед законом. Но существовали социальные различия (хотя они не были еще столь велики, как в позднейшие времена), и эти различия повсюду давали о себе знать. Высшие слои гражданства сосредоточивали в своих руках ведущие политические должности. Дело в том, что афинская демократия призвала и узаконивала фактически существовавшее имущественное неравенство. Мнение о том, что политические ограничения для беднейших граждан в конце концов отпали, не подтверждается источниками. Имущественный ценз со временем понижился, но был все же сохранен.

Прежде всего, можно в общем согласиться с мнением Ван ден Бура об опасности «обобщений». Я хотел бы только добавить, что главная опасность возникает в тот момент, когда мы переходим к выработке «концепции» — совокупности частных обобщений, составляющих неразделимые, зависящие друг от друга звенья одной цепи. Вот здесь-то мы начинаем «шлифовать» источники, отовсюду собирая по крохам то, что подтверждает наши взгляды, и сомневаясь в том, что им противоречит. Мы поддаемся соблазну «объяснить все» неким унифицированным способом. Сложившаяся «концепция» приобретает самостоятельное существование и модифицируется уже не в зависимости от фактов, а в силу естественного стремления исследователя к ее внутренней логической согласованности.

В статье Ван ден Бура перед нами, если угодно, содержится «обобщение». На чем оно основано? Его фон и предпосылку составляет признание того несомненного факта, что среди афинских граждан имело место социальное неравенство. Мысль Ван ден Бура

¹⁹ W. den Boer, *Greeks and the Greeks*, «Internat. Rev. of Social-Hist.», IV (1959), 1, стр. 91—110.

о том, что переход от одного социального уровня к другому был постепенен и резкие контрасты не были широко распространены, кажется правильной. Пожалуй, источники IV в. до н. э. позволяют также предположить, что имущественные отношения среди афинян были сравнительно подвижны и неустойчивы: имущественное положение отдельных граждан подвергалось значительным колебаниям.

Несмотря на формальное равенство, пишет далее Ван ден Бур, представители знатных семейств предпочитались при выборе на определенные должности. Жреческие функции находились в руках ведущих фамилий, в религиозных церемониях главную роль играли девушки знатного происхождения. Сами народные массы отдавали предпочтение знати (*men of higher birth*) при выборе руководителей. Аристофан высмеивал Клеона и других политических деятелей, потому что они принадлежали к менее высокому социальному уровню. Даже такой демократ, как Демосфен, глумился над «низким» происхождением Эсхина. Ораторы IV в. обычно принадлежали к состоятельному семейству. Лишь изредка люди, вышедшие из низов (вроде Фриниха и Эсхина), достигали политического влияния.

Прежде всего здесь нет ясности понятий и определений; благодаря этому Ван ден Бур в сущности доказывает вовсе не то, что хочет доказать. Он имеет в виду, как следует из всего контекста, главным образом имущественные различия, богатых и бедных. В то же время в приводимых им примерах речь идет преимущественно о «знатных», лицах «благородного происхождения». Между тем это далеко не равнозначные понятия. Действительно, в Атике имелись старые роды, монополизировавшие некоторые религиозные функции. Весьма возможно, что происхождение от известных исторических или мифических предков вообще пользовалось уважением, особенно в сельской местности и в родовых организациях. Сохранение таких традиций понятно, но никто не может всерьез доказывать, что господство в политической жизни Афин принадлежало «знати», как определенной социальной группе. По-видимому, уже стратеги V века, а затем демагоги и ораторы были обычно представителями незнатных семей, во всяком случае «благородство» происхождения не играло в их карьере существенной роли. Родословная самого Демосфена, как известно, также не была вполне безупречной.

В связи с этим аргументация Ван ден Бура отчасти направлена мимо цели. Клеон и Эсхин подвергались нападкам не на том основании, что они были бедны: наоборот, эти деятели были — вернее, стали — очень богатыми. Они высмеивались потому, что были «выскочками». Это совершенно естественно: и в других обществах люди, быстро разбогатевшие и выдвигнувшиеся, в какой-то степени вызывают зависть, пренебрежение и недоброжелательство. Но не совсем основательно считать такие насмешки чем-то вроде «голоса народа», как это делает Ван ден Бур. Обвинения шли со стороны политических противников Клеона и Эсхина, понятию, не упускавших любого изыяна в облике своих оппонентов. Но ни в том, ни в другом, ни во многих других случаях упрёк в «низком» происхождении не является центральным или даже существенным: поэтому строить на нем какие-то общие выводы было бы рискованно.

Политическое неравенство различных социальных слоев, продолжает Ван ден Бур, было узаконено конституцией афинского государства, сохранявшей солоповское разделение граждан на четыре класса по величине имущества. Беднейшие граждане — феты — не были допущены к занятию государственных должностей. Правда, Плутарх сообщает, что уже в 479 г. до н. э. по предложению Аристидея как будто все граждане были уравнены в правах (*Plut., Aristid., 22*). Но известно, что даже для 3-го имущественного класса, зевгитов, должность архонта стала доступной лишь в 458/7 г. до н. э. (*Aristot., Athen. Polit., XXVI, 2*). Утверждение автора псевдоксенофоновой «Афинской политики» о том, что все граждане могут занимать государственные должности (видимо, Ван ден Бур имеет в виду [*Xen.*], *Resp. Athen., I, 2*), не заслуживает доверия: это, скорее всего, сознательное олигархическое преувеличение. Не следует придавать значения также сообщениям Исократы, Лисия и Псевдо-Демосфена (*Isocr., XX, 20; Lys., XXIV, 13; [Dem.], LIX, 72*), так как они по существу не подтверждают равноправия фетов. (Здесь Ван ден Бур просто ссылается на работу Лунена²⁰.) Решающим является то место у Аристотеля, где устанавливается, что по букве закона феты не имели доступа к государственным должностям. Ищущий должности должен был заявить, что он не фет (*Aristot., Athen. Polit., VII, 4*). И хотя в IV в. ценз класса зевгитов очень сильно понизился, самый факт неравноправия фетов остался.

Весь этот подход к материалу не совсем понятен. В самом деле: имеется не одно, а несколько свидетельств современников о достижении бедными и незнатными людьми даже высших должностей в государстве (см., кроме указанных Ван ден Буром мест, *Eurpol., fr. 205, Kock; Dem., XIX, 237; ср. Ael., Var. Hist., II, 43*). Возможно, что они могут быть оспорены каждое в отдельности. Но все вместе они создают определенную и ясную картину демократизации афинского политического строя, т. е. прежде всего постепенной отмены прежних ограничений для беднейших слоев

²⁰ D. L o e n e n, *Vrijheid en Gelijkheid in Atene*, Amsterdam, 1930, стр. 181—182. Ссылка дана по Ван ден Бурю.

гражданства. Почему же нам пужно во всем этом усомниться? Ведь, с другой стороны, нет ни одного места в источниках, где для IV в. подтверждалось бы фактическое неравноправие бедняков. Ван ден Бур заявляет, что важен принцип: формально феты не были допущены к занятию государственных должностей. По законам Солона, говорит Аристотель, феты не имели доступа ни к какой государственной должности. «Поэтому и теперь, когда спросят у намеревающегося баллотироваться на какую-нибудь должность, какой он имеет имущественный ценз, никто не скажет, что ценз фетов» (διὸ καὶ νῦν ἐπειδὴν ἐρῆται τὸν μελλόντα κληρονομαί τιν' ὄρχην, ποῖον τέλος τελεῖ, οὐδ' ἂν εἰς εἴποι θητικόν: Aristot., Athen. Polit., VII, 4). Интерпретация Ван ден Бура представляется несколько упрощенной. Рассмотрим этот вопрос более внимательно.

1) Очевидно, Аристотелю казалось само собой разумеющимся, что все граждане фактически могли изъявить желание участвовать в баллотировке. Аристотель не говорит (как он делает в некоторых других случаях): «Еще и теперь действует закон, запрещающий фетам занимать государственные должности». Он говорит: «Никто не скажет, что он фет», никто не ответит в какой-то определенной ситуации, что он фет.

2) Аристотель не говорит, далее, что «кандидатуру отводят, если выяснится, что соискатель — фет». Достаточно, видимо, «не сказать», что фет, и дело кончено. Речь идет как будто о процедурной формальности, не имеющей реального значения.

3) Аристотель относится к этой формальности как к традиции, архаизму, «перезитку» порядков, существовавших прежде. Вот тогда феты не допускались к государственным должностям. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что даже и теперь сохранился обычай и т. д. Аристотель использует здесь прием, часто употребляемый как им, так и другими античными писателями: реконструкцию и подтверждение фактов прошлого сохранившимися остатками, рудиментами этих фактов (или, наоборот, объяснение существующих обычаев прежними реальными событиями). В «Афинской политике» есть другие аналогичные рассматриваемому места, где применены, однако, более сильные формулировки. Избрание по жребию на должности, рассказывает Аристотель, происходило при Солоне из лиц, обладающих высоким цензом: доказательством может служить действующий и теперь закон, по которому казначеи богини Афины избираются из пентакосиомедимнов (высшего имущественного класса — там же, VIII, 1). И дальше: по закону Солона (закон еще действует) казначеи богини Афины избираются из пентакосиомедимнов. Фактически же занимать эту должность может всякий, хотя бы он был очень беден (там же, XLVII, 1). Мы видим, что даже действующий закон потерял значение. И характерно, что в этом частном случае Аристотель дважды подчеркнул, что соответствующий закон формально еще сохраняет силу.

4) Наконец, не обязательно истолковывать слова Аристотеля таким образом: даже будучи фетом, никто не скажет, что он фет, или — феты не должны сознаваться, что они феты. Мне кажется, более точной будет такой акцент: обычай требует, чтобы соискатели не отвечали, что они феты. Это тонкое, но как будто явственное различие. «Никто не скажет, что он фет» — без малейшего оттенка неодобрения или упрека! Создается впечатление, что Аристотелю представлялось безразличным, был ли человек фетом или нет, он не видел здесь факта обмана.

В принципе поиски истинного значения текста также представляются несколько рискованным приемом. Аристотель не всегда умел найти и избрать самую точную и адекватную словесную форму. Наш собственный анализ опять-таки недостаточно надежен. Поэтому я хотел лишь показать здесь, что если, как это обычно делается, ставить античному автору «всякое лыко в строку», интерпретация Ван ден Бура не является самой правдоподобной.

В связи с позицией Аристотеля не исключено предположение, что солонские «классы» постепенно становились фикцией. Обратим внимание на следующие факты.

Во-первых, в многочисленных источниках IV века вообще поразительно редко упоминаются имущественные «классы». В тех случаях, когда нужно определить имущественный уровень граждан, как правило, употребляются описательные предложения, точные цифры, что угодно, кроме ссылки на принадлежность к этим «классам» (хотя в каких-то определенных случаях или до определенного периода такая принадлежность сознавалась и фиксировалась: см., например, Isae., VII, 39). Между тем естественно было бы ожидать появления соответствующих наименований в качестве устойчивых «технических терминов».

Во-вторых, само слово «феты» чаще всего встречается в своем более древнем и основном значении — наемные рабочие, батраки и т. д. По-видимому, налицо вытеснение этим значением близкого ему, но все же иного значения имущественного «класса». Такое вытеснение было возможно при условии, что понятие солонских имущественных классов исчезало, отмирало, утрачивало смысл. Солонские классы не были «отменены»: они все реже учитывались в общественной практике и просто-напросто забывались. Поэтому абстрактный гражданин у Аристотеля, заявляя, что он не фет, а, скажем, зевгит, может быть, только произносил традиционную формулу: он никого не обманывал, потому что не знал толком, фет ли он.

Как бы то ни было, точка зрения Ван ден Бура не является солидно обоснованной. Цитированное место из «Афинской политики», на которое он опирается, вовсе не так бесспорно, как может показаться на первый взгляд. Скорее всего, в IV веке до н. э. сохранились лишь какие-то незначительные следы прежнего неравноправия беднейшей части афинян.

* * *

Для подтверждения своих взглядов Ван ден Бур между прочим ссылается на уже упоминавшуюся работу Джонса «Афинская демократия»²¹. Как и Ван ден Бур, Джонс выступает против концепции «крайней демократии» в Афинах. Он также считает, что руководящие должности находились преимущественно в руках состоятельных и богатых граждан. Состоятельные преобладали в совете. Политические деятели — выходцы из низов — подвергались насмешкам со стороны комедиографов и ораторов (Jones, Athen. Democr., стр. 45—55). Политическое равноправие афинских граждан, в том числе и фетов, не вызывает у Джонса сомнений. Вместе с тем Джонс делает попытку определить социальный состав народного собрания и судов и приходит здесь к выводам, которые не могут не вызвать возражений. Эти учреждения, которые почти всегда рассматривались как безусловно демократические, Джонс считает оплотом состоятельных слоев гражданства.

Он рассуждает таким образом: почему народное собрание так неохотно вотивало сбор эйфоры, хотя ее платили только около 6000 граждан, меньше одной трети общего числа? Ответить на этот вопрос можно, рассмотрев лексику Демосфена в его речах, обращенных к собранию. Демосфен, апеллируя к аудитории, нигде не призывает бедных взыскать эйфору с богатых. Напротив, он предлагает слушателям с а м и м платить налог. Везде употребляется обращение во втором лице (Dem., I, 6, 20, II, 24, 27, 31, III, 33, IV, 7, VIII, 23, X, 19), за одним знаменательным исключением. Это исключение содержится в речи о симмориях, где Демосфен говорит: «предположим, если хотите, что мы внесем двенадцатую часть», т. е. 8¹/₃-процентный налог (Dem., XIV, 27). Дело в том, что обычно относительно состоятельные (well-to-do) граждане, которые платили эйфору, представляли если не большинство, то значительную часть собрания, и только в моменты серьезных кризисов бедные могли повлиять на решение дел (там же, стр. 35—36).

Такое опровержение традиционного взгляда поражает своей легкостью. Оказывается, достаточно нескольких ссылок на употребляемые Демосфеном местоимения (с соответствующими формами глаголов), чтобы опрокинуть представления тех, кто наивно считал эклисию органом народного контроля над политической жизнью Афин.

Действительно, Демосфен во всех этих местах призывает всю в целом аудиторию, в числе прочих военных призывов, платить военный налог, эйфору. Впрочем, ссылка на первую речь против Филиппа (IV, 7) неточная: Демосфен говорит здесь, что все должны исполнить свое дело — один, имеющий деньги, внося эйфору (ὁ μὲν χρῆματ' ἔχων εἰσφέρει), другой, подходящего возраста, — участвуя в походах (ὁ δ' ἐν κλιζὶ στρατεύεσθαι). Как видно, даже с точки зрения Джонса Демосфен совсем не обязательно имел в виду, что эйфору платят все или большинство слушателей.

Дело, однако, не в этом. Как с методом, так и с выводами Джонса трудно согласиться введя следующие соображения.

1) Цифра в 6000 плательщиков эйфоры выведена Джонсом вовсе не неопровержимым способом (стр. 28). Во всяком случае, вполне возможно, что налог вносили не 6000, а любое большее число граждан. Если его платило большинство или все, обсуждаемые пассажи в речах Демосфена объясняются самым естественным образом.

2) Допустим все же, что плательщиков эйфоры было 6000. Последуем по пути Джонса. Не говоря уже о других местах, даже в некоторых из тех, где Джонс нашел предложение платить эйфору, содержится также (в более или менее открытой форме) другой излюбленный призыв Демосфена к собранию: призыв отказаться от государственных раздач, т. е. главным образом от зрелищных денег, теорикона (Dem., I, 20, III, 33, VIII, 23). Пользуясь логикой Джонса, мы, очевидно, должны на основе этих пассажей прийти к заключению, что собрание состояло преимущественно из людей, кровно заинтересованных в теориконе — т. е. из бедноты. По-видимому, этот пример в достаточной степени характеризует опасность, которую представляет собой попытка подойти к формальным критериям к такому предмету, как манера обращения к аудитории. Поучительно остановиться в связи с этим на последней ссылке Джонса, «знаменательном исключении», содержащемся в речи о симмориях (Dem., XIV, 27). Вот здесь-то, говорит Джонс, перед обширной аудиторией, собравшейся по случаю решения важного вопроса, Демосфен употребляет совсем другие местоимения: «предположим, если (Вам) угодно, что мы внесем двад-

²¹ См. И. В. Поздеева, А. Н. М. Jones, Athenian Democracy, ВДИ, 1960, № 1, стр. 144—149.

цатую часть» (ἀλλὰ θῶ βοῦλεσθε δαδεκάτην ἡμᾶς εἰσοίσειν). Джонсу следовало бы продолжить цитирование: «но (Вы) не согласитесь, и если даже (Вы) внесете, то денег не хватит для войны» (ἀλλ' οὐτ' ἂν ἀνάχοισθε, οὐτ', εἰ καταθεῖτε, ἄξια τοῦ πολέμου τα χρήματα). Вот и попробуйте решить с помощью «метода местоимения», кто же вносит деньги!

Следует учитывать, что речи в некоторых отношениях — крайне ненадежный вид источников. Они были рассчитаны на то, чтобы оказать определенное эмоциональное воздействие на слушателей. Способы, которыми достигалась эффективность этого воздействия, вырабатывались оратором, т. е. живым человеком, ход мыслей которого, с одной стороны, извилист и разнообразен, с другой — постоянно приводит к профессиональному штампу, схематизму и искусственности. Форма выражения, отражая в общем некую объективную реальность, в то же время является результатом такого сложного комплекса неуловимых психических движений, что анализировать ее с помощью грубой арифметики («в стольких-то случаях Демосфен сказал А, в стольких-то — Б») — по меньшей мере опрометчиво. Разумнее всего, вероятно, видеть здесь просто-напросто обычный ораторский прием, употреблявшийся во все времена. «Вы», — говорят аудитории, чтобы ее расшевелить. «И правда, что же это мы?» — волнуется аудитория, и цель достигнута.

3) Имеется немало указаний о том, что народное собрание в основном или в очень значительной части состояло из бедняков, вообще рядовых граждан (конечно, прежде всего, Xen., Mem., III, 7, 6; ср. Ael., Var. Hist., II, 1; Plato, Resp., 565 A; Aristot., Polit., 1293 A), заинтересованных в плате за участие на собрании (Aristoph., Eccles., 183 сл., 300 сл.; Plut., 329—31; Isocr., VIII, 130; Aristot., Athen. Polit., XLI, 3). Даже в качестве ораторов в собрании выступали простые люди (Plut., Dem., VII, 2). Отвергать эти свидетельства на основании аргументов, приводимых Джонсом, было бы необдуманно.

Далее, Джонс предполагает, что еще более заметно преобладание состоятельных граждан в афинских судебных учреждениях. Обычное мнение о том, что суды состояли из бедных граждан, жаждущих получить свои три обола (плату за участие в заседании), считает он, не подтверждается источниками. Здесь опять следует обратиться к анализу языка Демосфена и его современников. Речь Демосфена против Мидия, в которой богатство последнего изображается враждебным тоном, как будто поддерживает этот взгляд (ссылка Джонс не дает. См., напр., Dem., XXI, 158—9). Но Мидий представлен в речи как *очень* богатый человек, склонный к показной роскоши, хвастун и забияка, к тому же уклоняющийся от выполнения своих общественных обязанностей. Характерно, что Демосфен счел необходимым как-то оправдать введение в суд свидетелем бедного гоппита Стратона (Dem., XXI, 83, 95. Попутно Джонс предлагает также обратить внимание на смиренный и «апологетический» тон бедняка в речи Демосфена против Эмбулида: Dem., LVII, особ. 25, 31, 35, 45). Речь против Мидия, таким образом, вполне могла быть адресована состоятельным слушателям, питавшим по отношению к наглым богачам не менее враждебные чувства, чем те, которые испытывали к ним бедняки. В речах против Андротгона и Тимократа Демосфен рисует несчастья, претерпеваемые плательщиками эйфоры, с целью возбудить сочувствие суда (Dem., XXII, 47 сл., XXIV, 160 сл., особ. 197). На такое сочувствие со стороны бедноты нельзя было рассчитывать. Речь об ателии против Лептина изобилует ссылками на интересы лиц, выполнявших литургии, а интересы массы рядовых граждан в ней не учитываются: значит, эта речь была обращена к суду, состоявшему по большей части из граждан, поджелавших выполнению литургий.

Наконец, по мнению Джонса, еще яснее содержащееся в речи Динарха против Демосфена предложение присутствующим в суде гражданам из числа 300 (самых богатых) рассказать своим соседям об обстоятельствах дела (Din., I, 42). Этот призыв был бы смешным, если бы представители «трехсот» не часто заседали в судах (там же, стр. 36—37).

«Первоначальное заблуждение» Джонса состоит в том, что он пытается применить формалистический анализ к таким источникам, которые требуют гораздо более тонкого метода. Уловить «тон» отдельных мест в речах можно скорее при помощи воображения и психологического «чутья», конечно, плохо поддающихся логическому обоснованию. К тому же, даже будучи установлен правильно, «тон» речи, как отмечалось выше, не всегда дает возможность судить о составе аудитории.

Но и те в принципе ненадежные операции, при помощи которых Джонс достигает своих выводов, проведены им далеко не безупречно. Истокование, которое он дает источникам, пристрастно и односторонне. Верно, свидетель Стратон в речи против Мидия характеризуется как «бедный, но достойный человек». «Не негодяй», — буквально говорит Демосфен (οὐ πονηρός), и эта чрезмерно сильная формулировка заставляет задуматься. Невозможно себе представить, чтобы слова Демосфена имели смысл: «не отвергайте этого свидетеля, судьи, он беден, но не негодяй, как большинство бедняков». (Приблизительно такое их значение оправдывало бы интерпретацию Джонса.) Дело разъясняет контекст. *Бедный, но честный и полезный* обществу Стратон (в § 95 перечисляются его достоинства и заслуги) подверг-

ся преследованию со стороны *богатого негодяя* Мидия! (см. противопоставление в § 96). Если хотите, выражениям Демосфена можно придать значение, прямо противоположное тому, которое видит в них Джонс: «смотрите, судьи, какие несправедливости терпят честные бедняки от богачей вроде Мидия!». Вполне допустимо предположение, что Демосфен стремится вызвать у бедняков-судей сочувствие к собрату, попавшему в беду из-за происхождения. (Повторяю — я думаю, вообще, что такого рода истолкования почти всегда рискованны. Они могут употребляться в качестве важного аргумента только при наличии массового материала). Эвксифей в речи Демосфена против Эвбулида, как видно из пассажей, на которые ссылается Джонс, оправдывается не в своей бедности как таковой, а в том, что его мать была вынуждена выполнять «низкую» работу: это разные вещи. Правда, он восклицает «не презирайте, судьи, бедняков!» (Dem., LVII, 35), но можно предполагать, что имелась в виду именно крайняя степень бедности, близкая к нищете. Плательщиками эйфоры, как уже указывалось, могли являться не 6000, а большинство или даже все граждане. Речь об ателии против Лептина содержит главным образом аргументы, вполне понятные любому составу суда (или даже преимущественно бедным — см., например, рассуждение о значении для Афин боспорского хлеба — Dem., XX, 31 сл.). Словом, прямых доказательств того, что речи обращены к состоятельным гражданам, не имеется, а косвенные свидетельства, используемые Джонсом, — неубедительны. Попутно можно отметить, что бедняк-инвалид в XXIV речи Лисия, например, говорит очень свободным, а не приниженным и смиренным тоном. С сознанием правоты и чувством собственного достоинства выступает бедный гражданин против богатого оскорбителя в XX речи Исократ. Если уж Джонсу нужен образец заискивающего тона, то он может найти такой образец в XIX речи Лисия, где б о г а т ы й гражданин умоляет не конфисковать его имущества (Lys., XIX, 61—2; ср. Lys., XXI, 14—15).

Что касается «наиболее ясного» места у Динарха, то Динарх, в самом деле, прямо спрашивает, присутствуют ли в суде граждане из числа 300 (самых богатых). Может быть, Джонсу помог бы простой подсчет: было всего, скажем, 20 тыс. граждан. Суд состоял минимум из 500 граждан, т. е. из каждых 40 в суде присутствовал один гражданин. Таким образом, в силу статистической вероятности, на основании повседневного опыта следовало ожидать, что из 300 богатейших граждан в суде присутствуют 7—8 человек! Как раз их отсутствие было бы удивительно и почти невероятно.

Выводы Джонса не только недостаточно логичны; они противоречат многим ясным и недвусмысленным сообщениям о составе судов, содержащимся у авторов V—IV веков до н. э. В некоторых местах констатируется, что в судах заседает простой народ ([Xen.], Resp. Athen., I, 6; Aristot., Polit., 1282 A); в других — отмечается заинтересованность судей в плате за присутствие на заседаниях (Aristoph., Equit., 1358—61, Vesp., 300—1, 303—11, 701—2, Eccles., 657—8, Plut., 1166—67; Lys., XXVII, 1; Isocr., VII, 54, VIII, 130; Aristot., Ath. pol., XXVII, 4). В сравнении с этими данными небольшую ценность имеют заключительные соображения Джонса о том, что плата за посещение суда была слишком низка, чтобы привлечь бедные слои населения (для кого же она тогда была введена?).

Имеется один косвенный, но в конечном счете решающий довод за то, что бедные слои населения играли в государственных учреждениях, особенно в народном собрании, очень значительную роль. Материал для него представляется всей внешней и внутренней политикой Афин IV века до н. э. Откуда берется постоянное стремление изыскать средства для всякого рода платы, раздач и льгот, забота об обеспечении хлебом или выводе клерухий, чем объяснить размах конфискаций или самую систему общественных повинностей богатых — систему литургий, если состоятельные элементы господствовали во всех органах власти? Почему не удержались олигархические и «умеренные» конституции конца V века? Почему не прошло предложение Формисия о предоставлении политических прав одним только землевладельцам? На какую часть граждан и какие учреждения опирались демагоги? В какой среде мог развиваться институт сикофантов? Все это будет непонятно, если мы не признаем, что бедные слои гражданства оказывали постоянное давление на органы власти и, во всяком случае, в большой мере определяли общее направление политики Афинского государства.

* * *

Благодаря любезности профессора Шеффилдского университета Хоппера я получил возможность в последний момент познакомиться с его небольшой работой об афинской демократии²². Хоппер далек от слепого поклонения Афинам, но вместе с тем ему чужды экстремистские взгляды Ван ден Бура и Джонса. Афины, считает он, дали ведущий пример демократии в Греции, и понятие «крайней демократии», выработанное Аристотелем, явилось в общем отражением афинских условий. Практически, конечно, состоятельные граждане имели больше возможностей для участия в политической жизни и занимали ряд важнейших государственных должностей. Но верховная власть

²² R. J. Hooper. The Basis of the Athenian Democracy, Sheffield, 1957.

все-таки принадлежала демосу, осуществлявшему свой контроль и участвовавшему в управлении главным образом через посредство народного собрания и судов, путем выборов, судебных решений и обсуждения текущей политики. Хоппер рассматривает период VI—V веков как ряд последовательных этапов в становлении и развитии афинских демократических институтов. Сложившееся политическое устройство не было свободно от недостатков — собрание принимало иногда поспешные и ошибочные решения, легко поддавалось «дурным влияниям» и т. д. И все-таки это устройство в IV веке до н. э. придало афинскому государству необычную для Греции устойчивость.

Наибольший интерес представляют соображения Хоппера о том, что он называет «фундаментом» или «глубинным строением» (infrastructure) афинской государственной организации. Опираясь главным образом на эпиграфические источники IV века, Хоппер показывает ту сторону афинской жизни, которая обычно остается в тени, — активную деятельность местных организаций: демов, фил и т. д. Он считает эту деятельность своего рода школой политического воспитания, причувашей граждан к участию в обсуждении и управлении, дававшей им необходимые для этого навыки. Отсюда берет начало дух коллективной ответственности за судьбы государства. Различие между «управляемыми» и «управляющими» сводилось к минимуму.

Проблема значения местной политической деятельности в Аттике заслуживает специального исследования. В целом же взгляд Хоппера представляется более обоснованным, чем сомнения Джонса и Ван ден Бур.

Нельзя сказать, что в той концепции, которую я пытаюсь здесь подтвердить критике, нет ничего заслуживающего внимания. Изображение афинской демократии в виде органа господства «корабельной черни» над состоятельными слоями населения, разумеется, требует поправок. Ван ден Бур в общем прав, подчеркивая, что частная собственность и имущественное неравенство составляли для афинской демократии заранее данные рамки, за которые она не выходила. (Впрочем, если демократия не выступала против института частной собственности в целом, то конкретная частная собственность, какой бы крупной она ни была, отнюдь не являлась неприкосновенной. История IV века говорит об этом достаточно внятно). Как Ван ден Бур, так и Джонс подчеркивают, что богатые граждане занимали, как правило, ведущие должности в государстве. Характерно, что для подтверждения своего взгляда оба автора ссылаются на работу полувековой давности — на исследование Сундвалла²³. Книга Сундвалла появилась вслед за изданием «Prosopographia Attica» Кирхнера и представляла собой применение просопографического материала к изучению социально-политического строя Афин в IV веке до н. э. Это была смелая и остроумная работа, утвердившая в соответствующей отрасли знания действительно научные методы исследования. Шаг за шагом, в основном на материале надписей, Сундвалл прослеживает имущественное положение членов и секретарей совета, стратегов, послов и ораторов, диететов, демархов и других должностных лиц (насколько это положение вообще определимо). В результате получается, что сотни богатых и состоятельных граждан занимали в IV веке важные государственные должности. Более того, в некоторых случаях процент богатых определенно выше ожидаемого. Это значит, по-видимому, что богатые граждане участвовали в управлении более активно, чем другие слои населения.

Метод и выводы этой работы не бесспорны. Это можно видеть на примере анализа, которому Сундвалл подвергает состав совета пятисот — буле. Сундвалл определяет численность богатых членов совета в среднем в 50 (стр. 13), в то время как при «нормальном» представительстве их должно было насчитываться 20—30 (стр. 2—3). Таким образом, богатые попадали в совет относительно часто. Но примененные для определения имущественного статуса отдельных граждан критерии неточны и не всегда объективны. Так, родственников, потомков и предков богатых людей Сундвалл также считает богатыми, что вовсе не обязательно. К богатым он безоговорочно относит лиц, выполнявших когда-либо обязанности стратегов: здесь он, очевидно, исходит из предположения, которая сама нуждается в доказательстве. Не непременно богатыми были арендаторы рудников. Добровольные патриотические взносы в 100—200 драхм вполне могли делать люди, обладавшие скромным состоянием. (Я уже не касаюсь необоснованного распространения Сундваллом на состоятельных граждан тех пропорций, которые он получил для богатых; стр. 18).

Таким образом, с формальной стороны выводы Сундвалла могут быть поставлены под сомнение. Они являются, конечно, чрезвычайно неточными в цифровом выражении. Возведение многих из членов совета в ранг «богатых» спорно. Но здесь необходимо иметь в виду, что среди того большинства булевтов, об имущественном положении которого нет сведений, также должны были находиться богатые люди. Поэтому полученные Сундваллом цифры — в конечном счете скорее минимальные, чем максимальные. И в целом ему удалось доказать, что богатые граждане не только не были отстранены от политической деятельности, но, напротив, очень активно занимались ею. Теперь, пожалуй, уже не найдется ученых, которые стали бы это оспаривать.

²³ J. S u n d w a l l, Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes, Lpz, 1906.

Вместе с тем полученные Сундваллом результаты не означают, что богатым и состоятельным принадлежало господство в политической жизни Афин вообще. Как уже отмечалось выше, бедные граждане попадали даже на высшие должности. Вряд ли это было массовым явлением — не говоря уже о действии традиций, у бедных было меньше реальных возможностей выполнять эти функции, требовавшие времени, иногда — расходов, а также специальной подготовки. Поэтому практически многие руководящие должности оставались в основном в руках богатых и знатных фамилий, и такое положение считалось в порядке вещей (см. [Xen.], *Resp. Athen.*, I, 3). Но самыми важными органами власти, осуществлявшими контроль над государственным управлением, были более массовые и демократические организации, прежде всего совет и народное собрание. Древние авторы отмечали демократический состав совета (там же, I, 6; *Aristot., Polit.*, 1282 A). О народном собрании говорилось выше. Таким образом, верховная власть принадлежала в конечном счете демосу — «народу» (каким бы ограниченным ни было это понятие в древних Афинах), т. е. бедным и средним слоям гражданства.

Вопрос о высших должностях, в общем, второстепенный, поскольку должностные лица находились под контролем «народа». И все же было бы очень полезно продолжить работу Сундвалла с привлечением нового эпиграфического материала.

* * *

Итак, афинская рабовладельческая демократия была *рабовладельческой* и была *демократией*. Критика, которой подвергнуты теперь оба эти тезиса в западной историографии, не выглядит убедительной. Возникающие теоретические разногласия в значительной степени являются возрождением прежних разногласий, и материал в основном остается тем же самым, и многие аргументы употребляются не впервые. Между тем, в настоящее время, очевидно, является особенно необходимым изучение конкретных, ограниченных проблем, с привлечением новых источников и использованием новых приемов исследования. Поистине неисчерпаемые возможности скрываются в том эпиграфическом материале, который получен за последние десятилетия (и запас которого непрерывно увеличивается). Дальнейшая обработка этого материала, несомненно, поможет понять весьма многие факты социально-экономической и социально-политической истории древних Афин.

В. Андреев